

УДК 82-34

РУССКИЙ ФОЛЬКЛОР В СОВРЕМЕННОМ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОМ МИРЕ

© Бушев Александр Борисович

доктор филологических наук, профессор
кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»
Россия, 170100, г. Тверь, ул. Чайковского, 70
E-mail: alex.bouchev@list.ru

Статья преимущественно на тверском фольклорном материале обсуждает методологические вопросы: традиционные фольклорные исследования, новая интерпретация традиционного материала и новые исследования современного словесного искусства. Изучение устного народного творчества смещается к выяснению специфики других жанров русской народной поэзии, и связанной с ней теме аутентичности, к изысканиям в области городского фольклора, проблемам персонального нарратива и устной истории, современного фольклора (в том числе и интернет-фольклора), «антифольклора» и «постфольклора». По мнению авторов, вербальная устная традиция постепенно эмансипируется от обрядно-мифологического контекста и начинает развиваться по законам словесности, что приводит к формированию жанрового пространства вербального фольклора. Постфольклор увязывается с появлением принципиально новых (по сравнению с письменностью) информационно-коммуникационных технологий. Показаны связи социолингвистики и исследований современного фольклора.

Ключевые слова: фольклор; современный фольклор; эстетика.

Устное народное творчество — фольклор — сохранили для нас книги В. И. Даля, М. И. Михельсона, А. Н. Афанасьева, Д. К. Зеленина, Ю. М. и Б. М. Соколовых, В. П. Аникина, сохранила и донесла до нас традиция устного исполнения, передачи «из уст в уста». Собственно тверской фольклор сохранен в книгах тверского материала, которые есть в библиотеках — «Тверские пословицы», «Золотые зерна», «Традиционная культура Тверского края» [9; 10; 11]. И. Н. Горелов проводил показательные психолингвистические эксперименты [5]. В пятидесятых, работая школьным учителем, он составил словарь 72-летней хозяйки, у которой жил. Словарь насчитывал 860 единиц, включая пословицы, прибаутки и многочисленные термины из области шорного дела (хозяйка в детстве помогала отцу, шорнику). На долю повседневного общения у старой женщины оставалось не более 500 слов. Горелов прочитал рассказ «Орел и раковина» (136 слов) бабушке и ее внуку и привел их пересказы.

Пересказ бабушки.

«Дело так, значит, было. Не помню где, у воды у самой, значит, была эта... как сказали, а я забыла (подсказка) раковина, да. Тут был и коршун (произвольная замена «орла»)... Чи как его? Ну, ладно. Ну, как он живет? Ест, значит, живность, рыбу, чи еще что. Рыбы в тот раз не было, а была эта самая, я все забываю... Ну да, она. Увидал ее, значит, коршун — и к ей. Ага... Было у нее такое (жест ладонями «открыть-закрыть») — хочет раскроется, хотит — нет. Могит и зачинит (захлопнуть, закрыть — И. Г.) Коршун, значит, туда (жест), а она его — (жест) Ни туда, ни сюда тому коршуну. Не мог он, значит, себя ослобонить. А тут вода поднялась (в тексте «прилив» — И. Г.). Коршун в воде не жилец. Издохнул он в воде. А она себе живет».

Пересказ внука.

Большая ракушка сидела на песочке. Большая ракушка раскрыла эти свои...эти...(подсказка) Да, створки. Она сидела и смотрела на море. А какие глазки у ракушки? Нет глазок? А как же она тогда смотрела? Просто лежала? Ладно, пусть лежит...Лежит она и лежит. А на большой горе было гнездо. В гнезде жил орел с детками. Орел-царь птиц. Он самый сильный и храбрый. Он всех птиц может победить...А царь птиц может победить царя зверей — тоже? Нет? Почему? Ну ладно.. Орел захотел съесть большую ракушку... А ее едят разве? Она вкусная? А вы ели? Ладно, буду дальше рассказывать. А я дальше забыл...(подсказка) Орел увидел большую ракушку и говорит: «Сейчас я тебя съем!» А большая ракушка говорит: «Нет, не съешь, я тебя аз лапы схвачу!» А орел говорит: « я тебя не боюсь, а — царь всех птиц!» Как бросился он на ракушку, как схватил, как съел ее всю...! Нет, он не поел... Она ему лапы прицепила. Тогда он вырвался и улетел.

Рассказ бабушки беднее, изобилует ошибками, но...он вернее и красивее. В традиционных фольклорных исследованиях обследовались малограмотные носители русского языка (это отвечало социальным задачам изучения народного словесного искусства), обследовались люди, детство проведенные в традиционном коллективе, за традиционным трудом, в отсутствии радио, телевидения. Сегодня этого социального класса нет. Оказывает влияние телевидение, исчезла диалектность. Сельский труд не воспринимается как традиционный труд, традиционная культура. Ушла передаваемая от предков религиозность.

Между тем стандартные традиционные исследования проводятся. Например, в книге О. В. Шиковой [11] собраны детский, обрядовый фольклор, заклички, припевки, колядки, песни, плачи, воинские песни, баллады, шуточные песни, свадебные песни, частушки, городские песни и романсы, духовные стихи, религиозные песнопения, сказки. Набор жанров не конечен. В. Г. Базанов вышел к жанрам крестьянского политического красноречия, устным рассказам, толкам и слухам. Материал, собираемый ежегодно во время поездок, радует — это и песни, и духовные стихи, и частушки, и предметы быта, и творчество «наивных писателей» и воспоминания о старом быте... Рассказы об обряде опахивания деревни и празднования Десятой Пятницы (Краснохолмский район), уникальные сведения по погребальному обряду (Бежецкий район)... Каждый год студенты занимаются оцифровкой записанных текстов, в конце года проводится конференция, где участники экспедиции представляют собранный материал.

Стандартом является поиск архаического фольклора негородского населения при установке на вымысел, сбор религиозно-магических и обрядовых текстов. Вербальный фольклор постепенно эмансипируется от обрядно-мифологического контекста и начинает развиваться по законам словесности, что приводит к формированию жанрового пространства вербального фольклора.

Ценен опыт фольклорно-краеведческих встреч в районах Тверской области, приобщение школьников и студентов к народной традиционной культуре, затягивание в рефлексию над опытом фольклора, знакомство с элементами традиционного образа жизни. Например, фольклорно-этнографические чтения на андреапольской земле в Тверской области посвящены И. И. Смирнову. Филологическим факультетом Тверского государственного университета издан очередной сборник, по-

священный традиционной культуре Тверской области, куда вошли рассказы И. И. Смирнова [9].

Фольклорные исследования оказываются важными не только и не сколько для себя самих, или даже лингвистики и литературоведения. Основным источником пословиц — жизнь народа, традиции, быт. Тексты эти, как говорят ученые, прецедентны, то есть отражают архетипы, заключающие колоссальный объем знаний, постоянно воспроизводятся, являются культурным достоянием. «Родина», «Природа», «Работа», «Обычай», «Семья», «Культура», «Традиции», «Труд», «Мужчина и женщина». Таков спектр тем фольклора.

Возьмите, скажем, частушку. Частушка возникла во второй половине девятнадцатого века. Это связано с отменой крепостного права, большей мобильностью крестьянства. Также на появление этого жанра повлияло изменение темпов жизни, связанных с техническим прогрессом. Таким образом, частушка — это один из молодых жанров фольклора ... Частушка живо откликается на происходящее, недаром ее и сравнивали с газетой и радио. Сохранились частушки, сочиненные во время экспедиций начала 1920-х гг. и посвященные руководителям Ю. М. Соколову, А. Н. Вершинскому и участникам полевой работы:

*Ходит в шляпе господин,
 Собирает песни;
 Уж он ходит не один,
 Рота девок ходит с ним!*

Несомненно, что фольклор и образ жизни (этнография) заслуживают живого отношения и должны использоваться при воспитании школьников и студентов, фольклорные и краеведческие конференции затягивают молодежь в рефлексию над традиционной культурой, ее прагматикой. Несомненно, что отношение к исполнителям и хранителям фольклора должно поменяться: это не карты памяти, не носители реликтовой, ушедшей в историю и помахавшей на прощание рукой культуры, а собеседники, обладающие живым, метким, ярким словом — источником развития языка современного школьника и студента.

Новый подход к традиционному материалу демонстрирует труд Л. Олсон и С. Адоньевой [7]. Американской и русской исследователями изучаются и интерпретируются личные истории трех поколений русских женщин. В рассказах женщин русской деревни предстали наиболее значимые сферы женского знания — темы ухода и свадьбы, мелодраматизм песенного репертуара и трансгрессивность частушки, магические и религиозные практики, межпоколенческие отношения родства и свойства, отношения с мертвыми.

Книгу характеризует широкое использование современных методологических подходов, выход за рамки фольклористики традиционной парадигмы («записывать все, что поет и рассказывает деревня»), **взаимодействие с современным психологическим, социально-антропологическим и лингвистическим знаниями**. С. Адоньева специально отмечает свою неудовлетворенность структурным и типологическим анализом фольклорных текстов, что подтолкнуло ее к поиску иных методов анализа и позволило **превратиться ей из собирателя фольклора во включенного наблюдателя**.

Показателен сам подход к информантам, которых авторы предпочитают называть собеседниками. В центре книги — люди, пользующиеся фольклором для своих нужд, а не «носители традиции». По словам авторов, это восприятие традиции, в которой человек сам участвует. Собеседники не воспринимаются как

«карты памяти», «носители традиции», которые хранят фольклорную информацию для ученых.

Привлечены антропологические и гендерные исследования, исследование субъективности, дискурса, наррации, невербалики — с опорой на работы И. Гофмана, Г. Гарфинкеля, А. Шютца, М. де Серто, П. Бурдьё, М. Фуко, Б. Малиновского, Л. Витгенштейна. Дж. Серля Д. Таннен, Р. Шенка и Р. Абельсона. Исследуются самоидентичность собеседников и их аффилированная идентичность, фреймы, сюжеты и сценарии жизни. Идентичность понимается авторами как сеть значимых для человека взаимоотношений с другими людьми и группами. При этом возможны разные типы идентичности: этническая, гендерная, территориальная, возрастная, статусная. Каждая из них не обладает независимым фиксированным существованием, но создается посредством действий, осуществляемых в контексте повседневных коммуникаций и по конкретным причинам. При этом едва ли впервые пол и возраст рассматриваются как категории, посредством которых организована картина мира крестьян, как ключевые параметры социальной структуры крестьянского сообщества. Известно, что гендерные характеристики фольклора, за исключением причитаний — собственно женского жанра фольклора — долгое время не принимались во внимание. Конкретными хранителями общего знания фольклористы не интересовались.

Авторы подчеркивают, что слово «миры» в названии книги — дань социоконструктивизму: «для нас важно указать на то, что люди сами создают социальные миры; иными словами, мир, в котором человек живет, являет собой социальную и культурную конструкцию, в создание которой он вносит вклад. Мы понимаем мир как реальность, постоянно создаваемую социальными (в том числе и коммуникативными) практиками» [7, с. 11]. При этом со ссылкой на Э. Сэпира авторы отмечают, что исследователь имеет доступ к объективному миру значений, общему для исследователя и исследуемого. Поэтому авторы обращали особое внимание в полевых исследованиях и анализе на язык, в частности на языковые препятствия и коммуникативные провалы, которые помогали лучше понять другую культуру.

Показательно, что женщинам каждого возраста присущи свои формы доминируемого знания (девочки — сказки и колыбельные, девушки — свадебные песни и причитания, молодые женщины — бытовая магия, заговоры и обереги, «большихуи» — оплакивание покойников и сказки). Авторы считают продуктивными и жизненно важными для собеседниц следующие фольклорные жанры: песни, биографические нарративы, легенды и мифологические рассказы, магические практики, религиозные ритуалы, семейные праздники, юбилеи и поминовения.

В науке об устном народном творчестве еще не определены и не раскрыты жанровые разновидности современного эпоса. Не всякий устный рассказ является произведением словесного искусства. Для сказа характерны преувеличения, легендарность при общей правдивости. Сказ, побывальщина — это повествование про старинное житье. Издревле люди в уральской рабочей среде рассказывали о Разине и Пугачеве, о немцах и Демидовых, о хозяйке Медной горе и о духе огня в горняцком труде, о змеях и других фантастических животных, населявших эти места [2].

Вспоминается в связи с поисками современных форм фольклора и концепция тверского профессора А. В. Гончаровой [4], собиравшей устные рассказы о Великой Отечественной войне, верившей в то, что будут собраны народные расска-

зы о терроризме, об Афганистане, о Чеченских войнах. Сегодня уходят в прошлое все старые устные жанры — от обрядовой лирики до сказки, зато на первый план выдвигаются другие жанры. Городской фольклор существует как одна из неофициальных областей советской и постсоветской культуры.

Мемуарный рассказ содержит художественное начало в эмбриональном состоянии и находится на смыкании искусства и жизни, на грани простого языкового общения и художественного творчества обращают нас к истокам, к самой колыбели искусства. Значимы коллективный характер и художественность формы несказочной фольклорной прозы. Коллективность — этот признак проф. А. В. Гончаровой решен диалектически: это новое качество коллективности, усиленное индивидуальным, личностным началом. Движение от живого отклика (от простой реплики) к целостному повествованию с кристаллизацией художественного образа. Коллоквиальные рассказы обсуждают видные советские фольклористы Э. В. Померанцева, В. Е. Гусев, К. Ф. Чистов. Сказ привлекает нарратологов, исследователей стиля монологов.

Сегодня налицо умирание традиционного фольклора. Появляются фольклорные новации — частушка, городской романс, зачатки новой народной поэзии (Д. К. Зеленин). Тут влияют устные традиции современного города. В старой России тоже осуществлялось культурное влияние города на деревню. Показательно забвение календарно-обрядового фольклора. Трансформируются традиционные переходные обряды: родильный, свадебный, похоронный. Постфольклор

(С. Ю. Неклюдов) увязывается с появлением принципиально новых (по сравнению с письменностью) информационно-коммуникационных технологий: запись, хранение, трансляция звука и изображения. Широко влияют на распространение фольклора эстрада, кино.

Жанровый ассортимент постфольклора — по сравнению с фольклором традиционным — изменяется самым радикальным образом. Уходят в прошлое почти все старые устные жанры — от обрядовой лирики до сказки, зато на первый план выдвигаются городские песни и анекдоты, современные мемораты и предания, слухи и сплетни. Возникли представления о третьей культуре. Городской фольклор как одна из неофициальных областей советской культуры. Программа исследований постфольклора предстает таковой: традиции и субкультура — ритуалы и обряды современного города — картина городского пространства — жанровый состав вербального фольклора — речевой обиход города.

Показательно изучение тюремного фольклора [6]. Почти каждый житель страны знал хотя бы одного политического заключенного. «Наступило время блатных песен» (Ю. Даниель). Отсюда передача «В нашу гавань заходили корабли», отсюда «магнитиздат». Русское общество стало «приблатненным» (В. Бахтин и Б. Путилов):

«Мы убийцы, кровавое стадо; Лес и тундра нам стали тюрьмой, нам уже не вернуться из ада, никогда не вернуться домой»

«Вхожу я тихо в залу, а там народу нет, Один висит на стенке Карл-марковский портрет, в той зале есть мужчина, он в черном весь френче, и делает доклад он на тему и вообще».

«Когда качаются фонарики ночные и темной улицей опасно вам ходить, я из пивной иду. Я никого не жду, я никого уже не в силах полюбить».

При сборе современного фольклора исследователи руководствуются классификацией К. Соколова и Ю. Осокина, которые выделяли половозрастные субкультуры (детская, молодежная, ЛГБТ, парковые собрания пенсионеров), социально-профессиональные (рабочие, интеллигенцию, профессионально-корпоративные субкультуры: компьютерная, медицинская, археологическая, армейская, нищенская и криминально-тюремная), досуговые, религиозные и этнические, территориальные.

Областями сбора современного фольклора могут являться следующие: культура молодежная («диггеры», «автостоп» и т. д.), туристов, программистов, студентов, солдат-срочников, субкультура больницы, прихрамовой среды, изменившиеся обряды (родильные, свадебный, похоронный), пространство современного города (городская мифология, памятники в городе, граффити), жанры современного городского фольклора (песни, романсы, устные рассказы, несказочная проза, фольклор коммунальных квартир, семейный фольклор, современный анекдот, современная альбомная традиция, магические письма). Устойчивые формулы в городской обыденной речи (языковые игры и малые жанры городского фольклора, киноцитаты, рекламные тексты в обыденной речи, шифровки, эпistolы, поздравления и пожелания в рукописных традициях). Изучаются новые жанры — частушка, анекдот, стихи черного юмора, фольклорность рекламы.

Обратимся к жанру байки как формы несказочной прозы. Например, в воспоминаниях об Алексии Симанском митрополита Пимена есть строчки о дочери Чичагова по фамилии Резин. Работала фельдшером. Энергичная, всезнающая. Просила у Алексия Первого пострига в монахини. Остроумный патриарх наложил резолюцию: «Постригать Резин — не резон». Такие шутки — тоже часть религиозного дискурса, воспоминания — редкий его жанр (представленный также, например, блестящей книгой М. Ардова).

Известны байки кинематографистов (А. Герман), артистов (Ю. Весник), студенческий фольклор, академический фольклор, врачебный фольклор, фольклор чиновников, журналистский фольклор, армейский фольклор. проводится изучение городских легенд (Н. А. Синдаловский, Е. З. Баранов).

Интересно и то, как говорят персонажи, их словотворчество, сленг. Фольклорен, например, герой С. Минаева. Посмотрим, как он говорит:

*Вау, клево, класс, супер, бред какой-то, не грузись. Старперские темы, ксива, менты. Идея с заменой паспорта не канает. Не прикололо. Мандежник, мутные перцы, затусить. Мне нужно с этими упырями встречаться. Тут голяк. Пустые понты, лошня. Колхозница, не зарубайся. У меня на эту пургу нет времени. Гоню, понтуюсь, прогоняю левые телеги. Сколько раз говорю: давайте перестанем бухать, торчать и отжигать до утра, если на следующий день репетиция. Попустишь, брателло. Засылает косарь в месяц. Вы все еще трете за любовь? Без мазы. Беспонтово, жесть. Стебануться. Головняки, стремные политические акции, попадосы с мелким бизнесом, лажовые правила. Ну что, падла, сразу тебя кончить, или ты сначала нам отпишешь свою с***ную хату в Бескудникове?*

По-видимому, у нас на глазах сейчас рождается «интернетлор», то есть Интернет воспроизводит очень многие качества фольклора, причем, я бы сказал, дописьменного, архаического, где господствует пластичность форм, где любой присланный текст можно переписать, дописать, урезать, продлить и т. д.

Итак, внимание актуальных исследований фольклористики смещается к выяснению современных творческих процессов в народе, и связанной с ними теме аутентичности, к изысканиям в области городского фольклора, проблемам персонального нарратива и устной истории, современного фольклора (в том числе и интернет-фольклора), «антифольклора» и «постфольклора» (Н. И. Толстой, С. Ю. Неклюдов).

Литература

1. Бажов П. П. Малахитовая шкатулка. М., 1977. 333 с.
2. Гельгардт Р. Р. Стиль сказов Бажова. Очерки. Пермь, 1958. 481 с.
3. Гончарова А. В., Скаковская Л. Н. У истока. Фольклорные традиции в русской литературе 1970–1990-х гг. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2001. 240 с.
4. Гончарова А. В. Народные устные рассказы о Великой Отечественной войне и художественная проза 40–80-х гг. Тверь: Золотая буква, 2005. 296 с.
5. Горелов И. Н. Разговор с компьютером: психолингвистический аспект проблемы. М.: Наука, 1987. 265 с.
6. Джекобсон М., Джекобсон Л. Песенный фольклор ГУЛАГа и его исторический источник. М.: СГУ, 2001. 561 с.
7. Олсон Л., Адоньева С. Миры русской деревенской женщины. Традиция, трансгрессия, компромисс Л.Олсон, С. Адоньева. М.: НЛЮ, 2016. 440 с.
8. Современный городской фольклор / отв. ред. серии С. Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2003. 736 с.
9. Традиционная культура Тверского края: 50-летию С. В. Морякова, 75-летию И. И. Смирнова: сб. материалов: вып. 6. ред. М. Л. Логунов, А. А. Петров; сост. Л. М. Концедайло, А. А. Петров. Тверь: Изд-во Тверского гос. ун-та, 2015. 100 с.
10. Фольклор Тверской губернии: сборник Ю. М. Соколова и М. И. Рожновой 1919–1926 гг. / ред. А. Ф. Белоусов. М.: Наука, 2003. 648 с.
11. Шикова О. В. От песен рот тесен. М.: Палея-Мишин, 1999. 147 с.

RUSSIAN FOLKLORE IN A MULTICULTURAL WORLD

Alexandre B. Bouchev

Doctor of Sciences in Philology,

Professor of the Chair of Journalism in Advertising and Public Relations

Tver State University

170100, 70, Tchaikovsky, Tver, Russia

The article discusses the methodological questions of folklore studies predominantly: traditional studies of rural folklore, modern interpretation of traditional material and new studies of new folklore material. Most of the texts are provided by Tver University local folklore studies group. The research of oral folk art is shifting towards the elucidation of contemporary creative processes among the people, and the related topic of authenticity, to research in the field of urban folklore, the problems of personal narrative and oral history, modern folklore (including Internet folklore), "Anti-folklore" and "post-folklore". Verbal folklore is gradually emancipated from the ritual-mythological context and begins to develop according to the laws of literature, which leads to the formation of the genre space of verbal folklore. Post-folklore is linked with the emergence of fundamentally new (in comparison with writing) information and communication technologies. The paper sheds light upon interconnectivity of sociolinguistics and modern folklore studies.

Keywords: folklore; modern folklore; aesthetics.